

Попасть во дворец могли, разумеется, лишь монахи высоких духовных заслуг. Но учёность не всегда означала умение проповедовать. Уровень мастерства у почтенных наставников разнился. Пока они рассказывали истории — ещё куда ни шло. Хуже всего приходилось, когда они принимались за философию Дхармы или, того хуже, начинали распевать сутры. Для меня это было сущей мукой — они нагоняли такую дремоту, что я едва могла держать глаза открытыми. А перед матушкой заснуть не смела, поэтому приходилось из последних сил бороться со сном, перебирая в памяти радостные мгновения, проведённые с А-Хуань, — хоть какое-то отвлечение.

К счастью, сегодня я выехала пораньше и избежала послеобеденной пытки.

Я лениво облокотилась на окно кареты, глядя на нескончаемый поток людей по обеим сторонам улицы. Сердце моё пело. После того как матушка перенесла столицу в Лоян, сюда из Гуаньчжуна переселили сто тысяч семей. Оттого городские улицы стали многократно оживлённее прежнего. Раньше торговцам не позволялось торговать на улицах, но теперь их было видимо-невидимо — с ношами на коромыслах, наперебой зазывающих покупателей. Появилось множество диковинных лавок, которые под видом жилых помещений торговали бог весть чем. Многие купцы и вовсе пробили окна в стенах своих домов, выходящих на главные улицы, и торговали прямо из них. Повсюду встречались иноземцы — с чёрной, жёлтой, белой, смуглой кожей. Среди них были и краснолицые, и с орлиными носами, узкоглазые выходцы из Силла, низкорослые японцы, рыжеволосые арабы, курчавые куны, глубокоглазые гаочанцы, рослые и могучие татары... Всех и не перечить.

Мне нравилась эта шумная, простолюдная атмосфера. Я специально запретила выставлять полный церемониал и расчищать дорогу, проехав в простой повозке с зелёным навесом в сопровождении всего сорока-пятидесяти всадников. Мы двигались по переулкам, покупая лепёшки в пекарнях, жареные груши у разносчиков, поддельное виноградное вино и фальшивые золотые безделушки. Мы нагрузили двух мулов, потратив меньше одной связки монет. Помимо того, что съели и выпили сами и раздали слугам, осталось ещё столько вещей, что Шоули хватило бы радости на целый месяц. В младенчестве человек так легко довольствуется малым — крохотная забава может осчастливить надолго. Увы, чем старше становишься, тем больше забот. В юности и зрелости ещё терпимо, но к старости они гнут спину, лишают зрения, связывают язык, пока наконец не лишат движения вовсе — тогда жизнь и подходит к концу.

Вот и дом Дугу Шао. Фэн Юнчан, приёмный сын Фэн Шиляна, подошёл к воротам. Он был смышлён и знал, что я не люблю излишних церемоний, поэтому, сохраняя внешнюю почтительность, добился своего — ворота тут же распахнулись, и вышел человек, похожий на управляющего. Конечно, в резиденции правителя удела второго ранга не полагалось настоящего управляющего, как у принца или принцессы, так что это был либо бухгалтер Дугу Юанькана, либо его дворецкий. На нём был узкий кафтан, какие носят военные, но голову венчала шапочка-путоу, а застёгивался кафтан на правую сторону, по китайскому обычаю.

Едва дворецкий поклонился и обменялся с Фэн Юнчаном парой вежливых фраз, как из ворот вышла Дугу Шао. На ней был хуский костюм, шапка сидела набекрень, и она, небрежно размахиваясь, швырнула Фэн Юнчану кожаный бурдюк с вином. Тот ловко поймал его и усмехнулся: «Наша госпожа, опасаясь, что Дугу-нян не хватит вина, специально привезла хорошего из дворца. Как же ты сама уже начала?»

Дугу Шао ничего не ответила. Она стояла у подножия ступеней и искоса поглядывала на дворецкого. Тот, казалось, был слегка раздосадован. Он махнул рукой, и слуги подали повозку. Дугу Шао прищурилась, склонив голову набок, и уставилась на него. Видя, что тот не

шелохнётся, она фыркнула носом, подошла к одному из гвардейцев Цяньню и одной рукой перехватила поводья его коня: «Одолжи коня». Тот гвардеец тоже был из числа получивших должность по наследственной привилегии и, видимо, был с ней знаком. Ухмыляясь, он уступил лошадь и даже сделал вид, что хочет помочь ей взобраться в седло. Но Дугу Шао отмахнулась от его руки, вставила левую ногу в стремя, правой оттолкнулась от земли и взлетела в седло — и всё это время держала руки за спиной. Усевшись, она лишь небрежно взяла поводья.

Сопровождавшие меня молодые гвардейцы из Цяньню тут же разразились одобрительными криками. Я сама высунулась из повозки и крикнула: «Молодец, Шилюнян!»

Лицо дворецкого Дугу выражало всё большее неудовольствие. Он хотел что-то сказать слугам Дугу Шао, но те уже весело гурьбой высыпали из ворот — кто верхом, кто пешком, — и никто и не подумал садиться в повозку.

Дугу Шао не обратила внимания на поднявшийся за её спиной шум. Она обернулась ко мне: «За городом, у реки Ло, есть славная харчевня. Поедем туда?»

Я ведь приехала утешить её после отставки, так что охотно согласилась. Да и сама вылезла из повозки, попросив коня. «За городом устроим скачки», — сказала я.

Дугу Шао ухмыльнулась, пришпорила коня и неспешной рысцой направилась к городским воротам. Я ехала следом и угощала её купленными по дороге лакомствами. Мы ели прямо в седлах. За городом, когда всё было съедено, мы похлопали себя по животам, пришпорили коней и помчались. Дугу Шао вела нас и проскакала добрых двадцать ли, прежде чем мы увидели три покосившихся бревенчатых сруба. Перед ними стояло несколько обшарпанных столов, обнесённых рваными циновками. Сзади, у самой воды, покачивалась на волнах утлая лодчонка.

Переправа близ столицы была местом оживлённым, здесь всегда толпилось с десятков путников. В харчевне же сидело три-четыре компании. Хозяином был сгорбленный старик с толстой шеей, а на кухне хлопотала его жена, круглая, как тыква. У входа стоял голубоглазый, белокожий слуга-иноземец с орлиным носом, а черноволосая девушка, похожая на китаянку, но одетая в наряд хуской танцовщицы, кокетливо и весьма неумело бренчала на пипе перед тремя здоровенными мужланами.

Дугу Шао, похоже, хорошо знала это место. Она бросила поводья слуге-иноземцу и прошла внутрь, усевшись у самой воды. Слуга, не дожидаясь приказа, принёс несколько закусок, огромное блюдо с мясом и здоровенный кувшин вина, поставив перед нами два потрёпанных глиняных горшка.

Я посмотрела на покрытые грязью горшки с отбитыми краями и, утешая себя мыслью, что низкая концентрация спирта тоже убивает бактерии, закрыла глаза и сделала глоток — и чуть не выплюнула. «Это вино... водой разбавлено?»

«Разбавлено» — это было мягко сказано. По правде говоря, это едва ли можно было назвать вином. Мутность — ладно, это бич большинства вин того времени. Но тот странный привкус — будто смесь грязи, речной воды, веток и корма для скота — был поистине невыносим.

Самое удивительное: это вино, несомненно разбавленное, а возможно, и с добавлением ила, было на удивление крепким. Оно обжигало горло, оставляя после себя ощущение, будто тебя драили сухой щёткой, колючее и болезненное.

Фэн Юнчан, хоть и не был таким стойким, как старшие слуги, тоже выпучил глаза. Не смея

бранить Дугу Шао, он обрушился на хозяина: «Да как вы смеее подавать такую бормотуху!»

Дугу Шао уже осушила свой горшок до дна. Она подняла одну ногу, поставив её на скамью, положила руку на колено, а на руку — голову. «Эта харчевня торгует с проходящими солдатами, — лениво пояснила она. — Вино тут такое же, как в армии, грубое. Не бормотуха». Она взглянула на меня. «Забыла, что у тебя здоровье слабое и крепкое пить нельзя. Я за тебя». Она протянула руку, забрала мой горшок, опрокинула его в себя и, не допив, уже потянулась за кувшином, чтобы налить ещё. Глядя на то, как она пьёт, оставалось предположить одно: либо в тот раз, когда мы пили с ней в конце позапрошлого года, она не выкладывалась по полной, либо сейчас она пила, не щадя живота.

Я наконец поняла, почему А-Хуань настояла, чтобы я поехала к ней в этот дождливый день. Не останови я её, эта девчонка могла бы запросто угробить себя вином.

Когда Дугу Шао потянулась за следующей порцией, я остановила её. Не напрямую, а приказав слугам подать вино, которое привезла с собой. «Не знала, какое тебе по нраву, — сказала я, — потому прихватила по кувшину каждого сорта. Выбирай, пей это, а эту бурду оставь». Я сама не была охотницей до вина, но ежегодные дворцовые дары и выделяемое Приказом Цзунчжэн вино исправно складывались в кладовые, так что у меня скопилось несколько хороших сортов. Когда кувшины открыли, воздух наполнился густым, смешанным ароматом. Дугу Шао взглянула на меня, не поворачивая головы, телом оставаясь неподвижной. Правой рукой она зачерпнула ковшом из одного кувшина, отпила и с одобрением чмокнула: «Выдержанное „Сяоцзюнь“ из Мянчжоу». Она перебрала все вина подряд, даже не глядя на таблички: «„Шэнчунь“ из Ичжоу, „Чунби“ из Жунчжоу, тростниковое вино из Цяньчжоу. Хм». Затем она швырнула ковш и снова потянулась к кувшину с хозяйским пойлом.

<http://bllate.org/book/16278/1467291>